

Судьева Н. Л.*канд. филолог. наук, доцент***Садовничий Э. В.***канд. филолог. наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Филиал в г. Минске*

СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ПРОМЕТЕЕВСКОЙ ИДЕИ НА РАЗВИТИЕ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ХРИСТИАНСКОМ ВЕРОУЧЕНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития античной литературы. Это позволяет раскрыть причины долгого забвения образа Прометея в античном мире и возрождения интереса к идее самопожертвования во имя спасения рода людского в христианском вероучении.

Ключевые слова: античность, Прометей, Эсхил, Софокл, Еврипид, христианство.

Анотація. Судьева Н.Л., Садовничий Э.В. Ступінь впливу прометеєвської ідеї на розвиток античного суспільства і літератури та її втілення в християнське віровчення. У статті розглядаються основні тенденції щодо розвитку античної літератури. Це дозволяє розкрити причини довгого забуття образу Прометею в античному світі і відродження інтересу до ідеї самопожертвування в ім'я порятунку роду людського в християнському віровченні.

Ключові слова: античність, Прометей, Есхил, Софокл, Евріпід, християнство.

Annotation. Suddzeva N.L., Sadaunichy E.V. The degree of influence of the Promethean idea on the development of the antique society and literature and its embodiment in the Christian faith. The article deals with the main trends in the development of the antique literature. It allows us to reveal the causes of the long oblivion of Prometheus' image in the antique world and of the revival of interest in the idea of self-sacrifice in the name of saving the human race in the Christian doctrine.

Key words: antiquity, Prometheus, Aeschylus, Sophocles, Euripides, Christianity.

Надійшла до редакції 06.04.2011

Постановка проблемы. Художественная литература полнее, чем история, и наглядней, в живых картинах, раскрывает состояние человека, уровень его развития, характер взаимоотношений людей в конкретно-историческом обществе. Любое произведение – это осознание человеком (автором) себя, окружающего мира, своего времени. Но историческая и эстетическая ценность художественных произведений, художественных образов зависит не от времени их появления и не от взятого самого по себе периода в эволюции искусства, к которому они относятся. Их значение неотделимо от объемности художественных обобщений, которые раскрывают явления, тенденции исторической действительности в ее развитии и выражают общечеловеческие по глобальности идеи.

К таким образам относится мифологический образ Прометея. Объемом своего обобщения он охватывает всех героев литературных произведений, когда б они ни были созданы, всех исторически реальных личностей, которые жертвовали собой во имя людей.

Исследователи античной истории, культуры, искусства время от времени с удивлением и недоумением отмечают как очень интересный факт следующее: ни древние греки, ни римляне не строили храмов и не поклонялись, как другим богам, спасителю рода человеческого Прометею. На естественный вопрос, почему античные люди так пренебрегали памятью о нем, самым, пожалуй, вразумительным ответом ученых была догадка о том, что в античности люди были умнее позднейших – тех, кто образ Прометея поднял на щит, сделал образцом для подражания и смыслом своей жизни.

Цель работы. На основе изучения изменений в отношении «личность – общество, человек – государство» при развитии античного мира, отображенных в лучших произведениях художественной литературы, выяснить причины длительного забвения Прометея и возрождения идеи, воплощенной в его образе, в христианском вероучении, формирующемся в I в. н.э. сразу после становления в Риме империи.

Результаты работы. Не поклонялись Прометею прежде всего потому, что к нему весьма отрицательно относились античные жрецы. По мнению исследователей древней греческой мифологии, образ Прометея как раз относится к тому периоду ее развития, когда первоначальный, первобытный способ осмысления мира порождает сюжеты и образы, которые изнутри подрывают одну из наиглавнейших функций мифологии, неразрывно связанную с художественной и философской, – религиозную. Действительно, зачем людям боги, если Прометей научил их обходиться своими силами, самим обеспечивать всем необходимым свое существование? Священнослужители никогда не будут рубить сук, на котором сидят.

Такое объяснение невнимания к Прометею в античности лежит буквально на виду. Но любая метафора, в том числе и образ Прометея, содержит

в себе не один смысловой нюанс. Все они отражают определенные практические потребности человека. Как известно, ничто из ничего не возникает, идеи – тоже.

Образ Прометея ярко свидетельствует еще и о созревании в первобытном человеческом сознании главного принципа, или идеи, морально-этической философии – делать добро другому, приносить пользу людям. Без этого невозможна нормальная жизнедеятельность, само существование человеческого общества. Содержание образа Прометея выявляет определенный этап процесса очеловечивания человека, его дальнейшего отхода от животного состояния, которое в мифологическом осмыслении отождествляется с Золотым веком.

Используя сюжет о Прометее в своей известной трагедии «Прикованный Прометей», Эсхил (525 – 456 до н.э.) специально заостряет внимание на страданиях героя, подчеркивает, чего стоит тому его действия по спасению рода человеческого. Поэт будто подталкивает своего современника как следует осознать и надлежащим образом оценить величину жертвы Прометея и быть благодарным ему. Прометей, ежедневно преодолевая невыносимую боль, не может даже умереть, чтобы прекратить ее, ибо является одним из титанов – старшего поколения рода бессмертных богов. Это обстоятельство еще более выпукло представляет титанизм, величие его образа, его деяний во имя людей.

Та же идея пронизывает и трагедию Эсхила «Семеро против Фив». Ее герой, Этеокл, чтобы снять с города, где он был правителем, осаду многочисленных врагов во главе с его братом, сознательно идет на смерть. Он использует свое знание про «родовое проклятье», которое распространяется на всех членов семьи, в общественных интересах. Вызвав брата-предателя на поединок, он спасает народ Фив от гибели ценой собственной жизни.

Исследователи античной литературы справедливо считают Эсхила поэтом-трагиком периода становления греческой демократии. Литература, о чем бы она ни повествовала, всегда отображает характер реальных общественных отношений, и Эсхил в своем творчестве ярко передает главную тенденцию своего времени. Он буквально в каждой трагедии на разном жизненном материале проводит идею необходимости подчинения, сочетания личного интереса с общим ради сохранения гражданского сообщества, спасения его от самоуничтожения. Это была естественная реакция общественного организма (срабатывал инстинкт самосохранения) на господство индивидуализма в Древней Греции. Там условием разрушения родового строя явилось возникновение личности. В результате в обществе сложилось такое положение, которое красочно охарактеризовал Гесиод (около V111 – V11 вв. до н.э.) в поэме «Труды и дни», одновременно пробуя найти какое-то спасение от всехватных противоречий и вражды.

Эсхил осуждал и отбрасывал любые действия человека, которые угрожали существованию целого

и приносили вред обществу. В «Персах» он показал, что личные амбиции царя персов Ксеркса, который новой войной пошел на греков, принесли ему самому поражение и унижение, а его народу – горе и беды. В трилогии, куда входит трагедия «Молящие», он объяснил принципиальный отказ от брака как путь к вымиранию и исчезновению человеческого рода. В трилогии «Орестея» раскрыл недопустимость личной мести своим обидчикам. Наказанием преступников должен заниматься не сам потерпевший, а общество через суды присяжных. Таким образом, действительно Эсхил отобразил процесс становления такого общественного порядка, доминантной идеей которого была прометеевская идея.

Младшего современника Эсхила Софокла (около 496 – 406 до н.э.) исследователи называют представителем периода расцвета греческой демократии, «века Перикла». Но верность такого утверждения ставится под сомнение самим творчеством великого греческого поэта. Софокл усмотрел в современной ему действительности трагическое по своему характеру противоречие между человеком и государством, личностью и обществом при их неотъемлемой соединенности, нераздельности.

Знаменитая трагедия Софокла «Эдип-царь» являет собой наисложнейшую, богатую содержанием метафору. Сам сюжет произведения раскрывает его главную мысль, обнажая полную зависимость от состояния человека, от его индивидуальной судьбы и поступков состояния общества в целом. Чем более важное место занимает человек в обществе, тем значительнее последствия его влияния на состояние гражданского сообщества. В произведении Софокла народ Фив погибает от насланного богами мора потому, что имеет своим правителем преступника. Это было очевидным для зрителей, знакомым с мифологическим сюжетом, положенным автором в основу пьесы.

Так открыто и именно акцентируя свою мысль Софокл сказал об этом первый в мировой литературе. Позже было у Вильяма Шекспира: «Лев больной – лев больной». Сейчас говорят: «Рыба гниет с головы». Концептуальное положение античного поэта история подтверждала не раз.

Рисуя образ Эдипа, Софокл показал его энергичные усилия в поисках преступника, убившего прежнего царя Фив, своего отца, искреннюю убежденность в своей невиновности. Поэтому он и отвергал с неподдельным гневом и возмущением обвинения в свой адрес, видел в них происки врагов, которые втайне жаждали занять его властное место. Эдип никак не связывал свой личный жизненный путь, на первый взгляд, свои чисто частные поступки с состоянием всего общества. И, оказалось, жестоко ошибался.

Каждый поступок человека имеет не только частный, но и общественный характер. Наказание, к которому Эдип сам себя приговаривает, тоже метафра и содержит глубокий смысл. Он выкалывает себе глаза потому, что глядел – и не видел, что по незрелости разума был подобен на неспособного ученика,

который смотрит в книгу, а видит – фигу. Истоки трагедии человека – в его незнании правды про себя и про жизнь.

Субъективно Эдип был честным, порядочным человеком, о чем говорит его приговор себе. Он делал все, чтобы избежать предначертанных ему богами преступлений, но его намерения приводили к обратным результатам. Нехватка ума, отсутствие проницательности, неумение видеть обусловили его «незнание» и закончились трагедией для самого Эдипа и большими несчастьями для народа Фив, где он правил. Именно отсюда берет свое начало мысль, высказанная Франсуа Рабле в эпоху Возрождения: «Каждый король должен быть философом».

Еще больше углубляется Софокл во взаимоотношения человека и общества, государства в известной трагедии «Антигона». Ее героиня нарушает приказ, запрещающий под страхом смерти предавать земле тело ее брата-предателя: стремясь захватить власть в городе, он едва не погубил Фивы с помощью войск семи соседних государств. Игнорируя законы своей страны, Антигона выполняет свой долг по отношению к родному человеку. Так и теперь близкие преступников делают все возможное и невозможное, чтобы облегчить судьбу родных, хотя хорошо осознают антиобщественный характер их криминальных деяний.

Софокл показывает, что Антигона своей жизненной позицией твердо и решительно отдает предпочтение личному интересу, а не государственному. Ее позиции автор противопоставляет такую же твердую жизненную позицию Креонта, избранного правителем Фив после смерти Этеокла.

По существу, Креонт – высший государственный чиновник, призванный блюсти общественные интересы. Он неуклонно выполняет свои обязанности, карает Антигону, хотя снисхождения к ней просит его сын, влюбленный в девушку. Умирает Антигона, погибает и сын с ненавистью в сердце к отцу. Кончат жизнь самоубийством и жена Креонта, обвиняя мужа в детоубийстве. В результате Креонт полностью утрачивает личное счастье, лишается личной жизни, вызывает неприязнь к себе в общественном мнении, выраженном в произведении Хором.

Таким образом, в трагедии Софокл проницательно раскрывает двойственную природу человека: как частной личности и одновременно как общественного существа, выявляет в человеке глубокое противоречие между этими двумя его сущностями. Поэт осязательно склоняется в сторону первой, идя за настроениями в обществе, что явственно подтверждается выведением Антигоны в произведении на передний план.

Младший современник и коллега Софокла по перу Еврипид (около 480 или 484–406 до н.э.), которого исследователи называют поэтом периода кризиса греческой демократии, в своем творчестве отображает уже полный отход человека от общественных проблем в частную жизнь. Действие в его трагедиях происходит на семейно-бытовом уровне. В них господствует личный интерес персонажей.

Самые лучшие трагедии Еврипида «Медея» и «Ипполит» посвящены женской любви и показывают ее последствия для героинь и тех, кто рядом с ними. Вопросы общественного характера, например, о положении женщины, затрагиваются не прямо, а косвенно. Многие произведения драматурга, вроде «Иона», по жанру уже не являются трагедиями. Это просто семейно-бытовые пьесы, в которых обработаны мифологические сюжеты, обычно со счастливым финалом.

В таком самом направлении – от постановки общественно значимых проблем к более пристальному вниманию к личной, частной жизни людей – развивается и комедия (согласно творчеству Аристофана), отражая движение жизни в Греции от демократических государств-полисов к большим рабовладельческим империям начиная с империи Александра Македонского. В таких условиях идея самопожертвования не могла иметь места, была никому не нужна.

Позднейшая греческая художественная литература (эллинистического периода) – и трагедия, и так называемая новая комедия, и поэзия, и проза – отображает преимущественный интерес античного общества к личной, приватной жизни людей. Это касается и всей римской литературы. Древний Рим шел тем же самым путем, что и Греция, только на 2-3 столетия позже. Сталкиваясь с какими-то проблемами в своем развитии, римляне использовали опыт греков, подытоженный в богатой литературе мифологического, художественного и научного характера. Так, они целиком заимствовали греческую мифологию. При зарождении в Риме профессиональной художественной литературы его писатели вначале также заимствовали сюжеты и образы у греческих, приспособивая их к своим обстоятельствам. Можно сказать, что римское искусство начинало свое развитие с уровня, достигнутого греками к III в. до н.э.

Внимание к человеку, всестороннее исследование, в том числе и художественное, человеческой личности в самых разнообразных ее отношениях с миром обусловили высокий уровень развития античной культуры, соответствующий уровню развития самой личности. То же самое обстоятельство в немалой степени поспособствовало и гибели античного мира. Еще в начале XV в. выдающийся французский просветитель Монтескье в трактате «О причинах величия и падения Рима» главной причиной его конца назвал то, что римляне в своем индивидуализме, в погоне за утехами и наслаждениями перестали быть гражданами. Иначе говоря, потому, что античное общество утратило идею органического сочетания личного интереса с общественным. Все направление развития человека и общества в античности выразительно объясняет ее отношение к Прометею.

Но пристальное внимание античной общественной мысли к человеку, к его личной жизни, его отношениям с другими людьми неизбежно затрагивало проблемы этического характера. В условиях приоритета личной жизни должна была

развиваться и успешно развивалась морально-этическая философия. Ее основные достижения как юридически-правовые нормы были зафиксированы в известном Римском кодексе. Выводы и обобщения чисто морального характера нашли свое выявление в христианском вероучении и отобразили определенную практическую потребность человека. Христианство воплотило в себе некоторые моменты содержания прометеевской метафоры: бескорыстную любовь к людям, самопожертвование в деле их спасения. Образ Прометея был заменен на образ Иисуса Христа, в честь которого уже строятся храмы и которому поклоняются. Прометеевская идея нашла своеобразное продолжение и развитие в христианской.

Христианское вероучение явилось результатом тех глубинных процессов, которые происходили в античном обществе. Оно возникло и несколько столетий развивалось в социосфере античной культуры, поэтому несет на себе ее яркие отпечатки, выявляет важные черты античной цивилизации и раскрывает определенные общие тенденции развития человечества. Недаром христианская вера стала общечеловеческой, а не национальной религией того народа, в недрах которого зародилась, хотя шире опиралась не на греческую мифологию, а на иудейскую, собранную в Ветхом Завете Библии. Античная культура в первую очередь именно через христианскую церковь (церковную литературу, живопись, архитектуру) оказала влияние на развитие европейской культуры в средние века, приведшее в конце концов к эпохе Возрождения.

Христианское учение возникло в античном мире после того, как Рим прошел в своем общественном развитии все периоды, которые ранее прошла Греция, – разрушение родового строя и возникновение личности, становление демократических порядков в государстве-республике, кризис демократии, выразившийся в гражданских войнах, и в результате – установление империи. Если в греческой и иудейской мифологиях только вырабатывались и определялись отдельные положения этического характера, наподобие «не убий», «не укради» и т.д., то христианское вероучение свидетельствовало уже об окончательном формировании, так сказать, морального кодекса. Его основополагающий принцип составляла обобщающая и необычно простая формула: доброта, любовь к человеку.

Это была реакция на разгул эгоцентричного индивидуализма снизу доверху, отягощенного в римской античности мощным институтом рабовладельчества, на основе которого только и могла существовать и удовлетворять свои потребности свободная личность в обществе того времени. Именно ради этого и велись Римом бесконечные войны.

Христианство создавалось и развивалось по законам мифотворчества. В нем очевидны основные черты мифологического осмысления мира: обожествление и одухотворение, очеловечивание природных процессов и явлений. Только в отличие от греческой мифологии (как и любой полирелигии), где многочисленные боги воплощали определенные

качества природы, общества, человека или природные, общественные процессы, в христианском вероучении все полномочия прежних богов, все их функции отданы одному богу. Он единственный творец всего сущего и ответственен за все, что происходит в мире. Условно говоря, здесь роль и значение всех греческих богов в природном груговороте, жизненных процессах была упразднена и целиком перешла к верховному богу Зевсу, который и так все мог. Все остальные боги превратились в помощников, исполнителей единой воли и приобрели «статус» ангелов и апостолов на небе. Соответственно на земле роль жрецов разных богов перешла к христианским священникам.

Кроме того, если греческие боги совершенно не заботились о моральности своего поведения, то образ Христа стал символом главного постулата моральности, или человечности, или духовности, что тождественно, – доброты. Так в христианском вероучении отобразился античный взгляд на то, что человек – мера всех вещей, а античный культ человека вообще превратился в культ одной личности, которая воспринималась как спасение человечества в целом от самоуничтожения и от связанных с этим всеобщих страданий. Переход от демократии в стане богов в греческой мифологии к автократии в христианстве отразил кризис демократии и переход к империи в античном Риме.

Представляя собой высшую степень обобщения, абстрагирования в сравнении с греческой мифологией, христианское учение стремилось также определить первоначальные истоки добра и зла. Истоки зла, согласно с христианскими взглядами, связаны с индивидуализмом людей и восходят к физической, материальной природе человека. Именно отсюда, из этих суждений, вытекает такая неистовая проповедь аскетизма, отказа от материальной, земной жизни в античном и средневековом христианстве.

Как доброта Бога в образе Христа, зло нашло свое воплощение в образе дьявола, у которого много имен. Зло так же разнообразно, как многообразен и неповторим человек. Доброта же как идеал совершенства человека испокон веков и бесконечно во времени всегда есть одна доброта, вечно неизменная. (Вот почему так тяжело даются писателям идеальные герои.) Истоком своим доброта имеет чисто человеческое начало, то, чем человек отличается от животного. Это разум, человеческое сознание, душа – понятия взаимосвязанные, одного ряда.

Позднее, в XVII в., классицизм, который относился к религии скептически (о чем свидетельствуют, например, известные комедии Мольера «Тартюф» или «Дон Жуан», запрещенные церковью), противоречие между животным и человеческим началами в человеке, борьбу в его душе между дьяволом и богом показал как «как конфликт между чувствами и разумом». Осуществление своих желаний человеком может принести и часто приносит зло другому, а разумом человек осознает необходимость хорошего отношения к людям. С помощью рационального начала человек контролирует в себе чувственное.

Обращение в христианском учении к человеческому сознанию, призыв заглушать в себе грешные желания содержит смысловой оттенок некоего принуждения: человек **должен** быть чистым перед Богом. Со временем христианское учение разработало систему надзора за исполнением основных церковных догм. Любое отступление от них жестоко каралось. Как – мы хорошо знаем из истории. Вольтер в ХУІІІ в. обвинил христианскую церковь в том, что за 17 столетий своего существования она убила 17 миллионов человек, больше, чем погибло в войнах.

Особое место в христианской системе властной вертикали надзора за людьми и управления ими занимает образ дьявола. Он несет несколько содержательных функциональных нагрузок. Во-первых, он необходим для сравнения. Не познав, что такое зло, не поймешь, что есть добро. Во-вторых, с точки зрения церкви, говорящей от имени Бога, все плохое в человеке, в его поведении – от дьявола. Он соблазняет, вдохновляет людей на зло, делая их своими приспешниками. В-третьих, – и это самое примечательное и парадоксальное – карает в преисподней грешников за их отступление от Божьей линии также дьявол или его подручные.

По современной терминологии, дьявол выполняет функции силовой структуры, которая с помощью приема провокации выявляет потенциальных врагов наивысшего авторитета и карает их в отведенном для этого месте. Концлагеря ХХ в. ни в чем не уступают христианскому аду, как он изображен, скажем, в «Божественной комедии» Данте. Образ дьявола в системе основных образов христианского вероучения служит цели устранения даже возможности прометеевского протеста против верховной власти Бога.

Вся система христианской иерархии в главных чертах отразила политическую, государственную структуру управления Римской империи с ее императором (Богом, папой, патриархом) наверху, с ее сенатом (собором) под ним и другими властными должностями до самого низа иерархической системы. Подобные властные структуры имели и имеют все государства авторитарного типа. Вот почему, обозревая христианский храм, наблюдая церковное культовое действо, нужно точно определить, какие смысловые нюансы сложной христианской метафоры в нем доминируют. Где тут благодарное воздаяние определенным проявлениям и качествам человечности, прославление человеческой духовной красоты, а где обычная дань авторитаризму, покорное и льстивое преклонение перед его могущественной силой и рабское ее возвеличивание.

Развивая главную идею образа Прометея, христианское учение его бескорыстную, самоотверженную доброту вообще к людям (роду людскому) обратило, согласно со временем возникновения, к каждому конкретному человеку и снова же, отражая индивидуалистические настроения тогдашнего общества, привнесло в нее

и элемент корысти: будешь слушаться Бога – и тебя ждет награда, хотя бы и после смерти. Вместе с тем, образ христианского Бога утрачивает один из существеннейших смысловых нюансов образа Прометея: идею непослушания, борьбы с врагом, который причиняет зло конкретному человеку. Это обусловлено отличиями в понятийных структурах греческой мифологии, или религии, и христианского вероучения.

Прометей, хотя принадлежал к роду богов, был только титаном и не отвечал ни за какие природные явления или процессы, как греческие боги младшего поколения. Он выступил против Зевса, который в мифе предстает воплощением природных стихий, враждебных человеку. По сути, сюжет про Прометея в своеобразной художественной форме повествует о мучительном пути выхода человека из животного состояния. Люди не погибли благодаря знаниям и умениям, приобретенным с помощью разума. Иначе говоря, здесь дается мифологическое осмысление возникновения человека, которое не содержит в себе никаких противоречий.

В христианском учении в образе Бога выделяется только одна, моральная, сторона прометеевской идеи – доброта, любовь к человеку. Одновременно Бог здесь является и творцом всего сущего. Над ним не стоит высшая власть, как над Прометеем. Ему не с кем бороться, защищая право человека на справедливость. Разве только с самим собой или с тем же человеком. Обожествление в своей сущности научного обобщения главного, морального, принципа существования человеческого сообщества выявляет искусственность, целевую заданность конструкции христианского бога, а сочетание приемов первобытного, мифологического осмысления мира с методами науки, которая в античности достигла высокого уровня развития, как раз и порождает бесконечные противоречия христианского вероучения. На них неоднократно обращала внимание и научная, и общественная мысль.

Если творцы, например, греческой мифологии или Ветхого Завета Библии не обращали внимания на то, как про существование тех или иных богов стало известно людям, то создатели христианского вероучения, имена которых известны, уже никак не могли – уровень развития философии не позволял – обойти это обстоятельство. В результате рождается сложный образ христианского Бога вместе в трех ипостасях: Бог-отец, Бог-сын, Бог – святой дух.

Здесь сама идея Бога в чистом, абстрагированном виде – святой дух. Понятие «дух» взято из натурфилософии или пантеизма. Если Бог, то – святой. Но, по логике рассуждений авторов, идею надлежит донести до человека. И, понятно, Бог должен появиться перед ним в обычном, человеческом облике и доносить до него истину понятным ему языком. Отсюда – Бог-сын, рожденный женщиной и выросший среди людей. А если есть сын, то должен быть у него и отец, тот самый святой дух. Такое строение тройственного, но единого в своей сущности христианского Бога порождало у позднейших богословов бесконечные

споры, а поэтам давало благоприятный повод для остроумных упражнений во фривольных стихах.

Кроме того, с помощью той части понятия христианского Бога, которая тождественна «сыну», сохраняется момент самопожертвования, мученичества во имя идеи доброты, спасения человечества. За свою жизненную позицию доброты к людям сам Божий сын принял несправедливую мученическую смерть – будто бы за всех. А после было воскресение и вознесение на небо. Вырисовывается яркий и привлекательный образец для подражания. Он дает утешение и надежду. Взамен требуется только одно: вера и преданность.

Иначе осмысливает в мифологическом плане осознание человеком христианского Бога автор Евангелия от Иоанна. Он опирается на понимание античной философией того, что человек родился вместе со словом – выявлением мысли. Недаром же в античности, что бы человек ни изучал, он обязательно учился и грамматике, это значит умению думать. Кроме того, античной философией было известно и то, что в слове закрепляется познанный окружающий мир. Если человек чего-либо не знает, не обозначил его словом и не отложил его в сознании, в памяти, то это что-либо для него не существует.

И вот как Иоанн мифологизирует обобщающую мысль античной философии. Он обожествляет слово: «В начале было слово. И слово было у Бога, и слово было Бог. И все с него начало быть...». Получается, что Бог через слово создал человека и все начало быть с него: то ли с Бога, то ли со Слова. А дальше идут довольно неуклюжие рассуждения о том, что словом, которое есть Бог, он поведал человеку о своем же существовании.

Хотя христианское вероучение, с одной стороны, опирается на разум, апеллируя к душе, сознанию человека, с другой – осуждает его. В мифе о Прометее человек выбирается из животного состояния благодаря разуму и труду. Христианское ж учение своеобразно акцентирует тот факт, что Адам и Ева были изгнаны из Эдема (выведены из животного состояния) за приобретение знаний, по существу, за разум, и наказаны за это вечным тяжелым трудом. В «Божественной комедии» Данте помещает Одиссея в ад за стремление познать мир. В «Послании к коринфянам» апостол Павел среди одаренных особой божьей милостью людей на первое место выделяет «нищих духом», это значит – бедных разумом.

Выводы. За время своего существования христианство развивалось и менялось, приспособлялось к историческим переменам, к новым потребностям человека, разветвлялось на многочисленные конфессии в ответ на усложнение действительности. Но бесспорно и то, что его создатели – не очень высокого мнения о человеке и его разуме. Они вернулись от высшей формы познания – науки к первобытной – мифологии, видимо, посчитав, что она больше соответствует интеллектуальному уровню человека. И надо признать, само учение с его возвращением к мифологии – это была гениальная популистская идея, которая с успехом эксплуатируется

вот уже два тысячелетия. То же можно сказать и о других монорелигиях. Кстати, призыв современных философов-постмодернистов начать осмысление мира сначала, т.е. с мифологии – того же самого толка.

И еще со всей очевидностью вытекает из христианского учения: потребность человечества в религии свидетельствует о его слабости. Значит, оно еще не вышло из первобытного состояния, несмотря на все научные достижения. А они в руках аборигенов – путь к гибели. Возможность сойти с него – маловероятная, пока люди в значительном своем количестве останутся на уровне «нищих духом». Об этом и говорит в своем ироничном обращении к Господу в «Прологе на небесах» Мефистофель из трагедии Гете «Фауст», характеризуя человека:

*Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить –
Чтоб из скотов скотиной быть!*

В христианском вероучении весьма ощутимо скрытое, выразительно не очерченное предсказание, или предвидение, того, что разум в сочетании с животными инстинктами ведет человека, образно говоря, к аду в самом широком значении этого слова.

В определенном смысле развивая прометеевскую идею, христианское вероучение вместе с тем содержит в себе и глубинное ее опровержение.

Литература:

1. Тронский И.М. История античной литературы: учебник для филол. спец. ун-тов. – Л., 1946.
2. Эсхил. Трагедии. – М., 1978.
3. Софокл. Трагедии. – М., 1979.
4. Еврипид. Трагедии. В 2-х томах. – М., 1980.
5. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1983.
6. Гете И.В. Фауст. – Мн., 1971.